

Iurii Voloshyn

LITERACY OF POPULATION OF POLTAVA CITY IN THE SECOND HALF OF THE XVIII CENTURY (ON MATERIALS OF ROUMYANTSEVSKY DESCRIPTION)

In the article the literacy of inhabitants of the city of Poltava is analysed on the basis of Roumyantsevsky description of Malorosia in 1765–1766, the common assertions about the almost general literacy of population of Hetmanate of the XVIII c. is disproved.

Светлана Севастьянова

ТЕМА ГОСУДАРЕВОЙ ЧЕСТИ В ЭПИСТОЛЯРНЫХ СОЧИНЕНИЯХ ПАТРИАРХА НИКОНА*

В статье рассматриваются представления о царской чести на примере писем патриарха Никона к царю Алексею Михайловичу. Автор приходит к заключению, что понимание этого вопроса церковным иерархом не выходило за рамки понятий, существовавших в русском обществе XVII в.

Тема царской чести, характерная для публицистических сочинений XVII в., появляется в письмах патриарха Никона царю Алексею Михайловичу после оставления Никоном патриаршей кафедры. Изучение представлений Никона о чести царя, способов, при помощи которых он излагает свое понимание государственной чести, представляет особый интерес, поскольку эта тематика тесно связана с актуальными в XVII в. вопросами о соотношении святительской и царской властей, о качествах пастыря и светского правителя.

В 1671 г., будучи в ссылке в Ферапонтовом монастыре, в разговоре с приставом Степаном Наумовым патриарх Никон не скрывал недовольства изображением древа царского рода Романовых в книге Лазаря Барановича «Жезл правления» и, защищаясь от

* Стаття є розширеним варіантом доповіді, виголошеної на міжнародній науковій конференції «Етика отців у київській богословській думці епохи Реформ (кінець XVI – початок XVIII ст.)» (Київ, НАУКМА, 20–23 вересня 2007 р.).

нападок пристава в бесчестии царя, говорил: «Я государей своих не безчещу, но оберегаю их государьской чести», и «...про ту книгу государю некогда ведать, есть у государя много и без тое книги царственных дель» (д. 140а, ч. 1.— Л. 200)¹. Это высказывание патриарха о занятости государя «царственными делами», а следовательно, и невозможности знать обо всем, что происходит вокруг, объясняет, на мой взгляд, стремление Никона, с одной стороны, подробно информировать Алексея Михайловича о людях и событиях, которые, по его мнению, могли нанести вред царской репутации, действовали или высказывались против государевой особы, а с другой стороны, детально описывать свое личное участие в конкретных делах к «повышению... царского величества». Для реализации этих задач в переписке с царем Никон использует разные принципы повествования.

Один из способов изложения, к которому обращается Никон, — извет, т.е. донос органам власти о противогосударственном умысле или совершенном уже преступлении. По Соборному уложению 1649 г., извет был публично-правовой обязанностью, за неисполнение которой назначалась смертная казнь. Так, 2-я глава «О государьской чести и как его, государьское, здоровье оберегать» предусматривала преступления, смысл которых сводился к охране чести государя². Статья 1-я 2-й главы предусматривала умысел с чьей-либо стороны против жизни и здоровья государя и определяла за это смертную казнь³. Требование проводить расследование по известным фактам покушения на государево здоровье и подтверждать их содержалось в статьях 12–19 2-й главы. Роль изветчика не ограничивалась только сообщением извета, он был обязан представить необходимые доказательства правоты извета; изветчик подвергался преследованию законом, если «не доведет» извета⁴. Факты и подробности, сопровождавшие изветы Никона, служили доказательством противозаконных замыслов и действий государевых людей. При помощи документального способа повествования Никон свидетельствовал о неизвестных царю противогосударственных деяниях или умыслах и излагал свои представления о чести царя в связи с конкретными ситуациями, событиями, фактами.

¹ Основная часть текстов писем и посланий патриарха Никона к царю Алексею Михайловичу, составленных после оставления Никоном патриаршей кафедры, хранится в Москве, в Российском государственном архиве древних актов [далее — РГАДА], в фонде приказа Тайных дел (ф. 27, оп. 1, д. 140, 140а). В дальнейшем ссылки на документы из РГАДА с указанием номера дела, его части и листов проставляются в тексте в круглых скобках после цитаты.

² *Соборное уложение 1649 года*. Текст. Комментарии.— Л., 1987.— С. 145.

³ Там же.— С. 20.

⁴ Там же.— С. 151.

Честь царя и греки на службе у русского государя

Патриарх Никон понимал выполнение им самим сначала поручений от царя, а затем и государственных обязанностей во время отсутствия в столице Алексея Михайловича из-за ведения военных действий как помощь царю и «работал» государю добросовестно⁵, поэтому после оставления патриаршей кафедры он особенно пристально наблюдал за теми людьми, которым Алексей Михайлович доверял выполнение ответственных поручений.

Так, Никон пишет о иеродиаконе Мелетии Греке: именно этого человека Алексей Михайлович дважды, в 1662 и 1664 гг., посылал на Восток с письмами-приглашениями ко вселенским патриархам прибыть на церковный Собор по «делу» Никона. Отзывы Никона о Мелетии самые не лестные: «А онъ есть злый человекъ, на все руки подписывается и печати подделывает, и здесь, не солгу, такое дело за ним было, чаять и ныне есть в Патриарше приказе...» (д. 140, ч. 3.— Л. 76). Патриарх Никон опасался, что иеромонах Мелетий, представляя русского царя на Востоке и являясь его доверенным лицом, своим недостойным поведением мог скомпрометировать Алексея Михайловича. Никону были известны документы о ненадежности греческого монаха⁶; до него

⁵ В письме к Алексею Михайловичу из Ферапонтова монастыря в 1667 г. патриарх Никон упрекал царя в том, что тот забыл и по достоинству не оценил его «работы»: «Что я тебе, великому царю государю, сотворил? На Москве в смутное время, тобою, великим государем, посылаем, всюду ходил, будучи архимандритом на Новом у Спаса, не поминаючи свою смерть. В Новгороде в смутное время камением и кольемъ забит насмерть тебе ради. О них несть время подробно зде писати. На Москве будучи, работал тебе, великому царю государю, не яко патриархъ. Также же и в моровые поветврия царице государыне и сестрам твоим, государевым, и чадом вашим работал такъ, как последний раб, якоже и сам ты, великий царю, будучи ми в твоей столовой, свидетельствовал, глаголя, яко нечим мне заплатить за твою работу. И ныне се ли мне твое воздаяние вместо моея работы? Яко пса состаревшася отрину и заключи, и подобныя пищи лиши» (д. 140а, ч. 1.— Л. 183). По мнению Михаила Зызыкина, Никон говорил именно о поддержке царя в государственных делах в тяжелые для царствования Алексея Михайловича времена: Зызыкин М.В. *Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи*: В 3 ч. / Репринт с изд. 1931, 1934, 1938 гг.— М., 1995.— Ч. 2.— С. 37, 50.

⁶ Строитель Заиконо-Спасского монастыря старец Арсений во время расспросов его царскими людьми показал, что до ухода с патриаршей кафедры Никон отдал ему для сбережения греческие письма и грамоту на четырех листах, поданные ему черным священником Иосифом, которому эти документы дал сам Мелетий Грек. Со слов Иосифа, Мелетий отдал ему письма «для учения, а не учился с них для того, что они различные, а патриарху, де, их подал для оправдания, как подал на него архимандрит Деонисей составную грамоту от антиохийского патриарха, а подписал ее Мелетий арабским письмом, а видел, де, то, как ту грамоту составили, поп Семион, а ныне он в Афонской горе, съехал тому года с два». Николай Гиббенет предположил, что именно эта грамота дала повод патриарху Никону назвать Мелетия «подделывателем подписей»: *Историческое исследование дела патриарха Никона* / Сост. по официальным документам Н. Гиббенет.— СПб., 1882.— Ч. 1.— С. 145; Ч. 2.— С. 551–560. Другой горячий сторонник патриарха Никона, иконийской митрополит Афанасий, прибывший в Москву в апреле 1664 г., незадолго до возвращения Мелетия из первой поездки

доходили и слухи о Мелетии как о человеке хитром и нечестном⁷; в переписке греческих иерархов с московским царем были представлены факты о неосмотрительном поведении Мелетия в Константинополе в 1663 г., о подделке царских грамот и утаивании огромных денежных сумм, предназначенных восточным патриархам⁸.

Забота Никона о репутации царя во время поездки Мелетия на Восток была во многом обусловлена личными целями: опальный патриарх стремился вернуть к себе расположение Алексея Михайловича и повлиять на решение Собора. Никон даже совершил попытку помешать Мелетию добраться до Константинополя, послав за ним своего человека (грека Агафангела)⁹. Но была, на мой взгляд, и еще одна причина, можно сказать, государственного масштаба. Единственным свидетелем, который мог, по словам Никона, подтвердить изложенные в письме факты, был другой грек — иеромонах Арсений, человек с сомнительной репутацией¹⁰, но профессионал-переводчик: «А известно то дело Арсе-

на Восток, «стоя перед Спасовым образом», заверял царя, что константинопольский и иерусалимский патриархи иеродьякона не приняли, а грамоту от вселенских патриархов он, Мелетий, якобы написал сам (д. 140, ч. 1, л. 4–8). Из ссылки в Симоновом монастыре Афанасий писал патриарху Никону в 1665 г.: «Богъ // станеть судити мир и воздасть им воздаяние, како сотворяють. Грамоты приносять гречене ложные, токмо добыти денги. Тако темь веруют бояре и того любят паче правды, и блаженству твоему, уащю слово евангелское, не внимають. Лише труждаются лукаво: ни един патриарх грамоты <не> дать имь. Опять блажество твое будет патриархъ московский — не будеть иначе!, и святяя твоя молитвы да будут со мною»: РГАДА.— Ф. 357, оп. 1, д. 127.— Л. 266 об.—267. Возможно, под «гречанами», приносящими «ложные» письма на Восток, Афанасий подразумевал Мелетия Грека.

⁷ *Историческое исследование дела патриарха Никона.*— Ч. 1.— С. 255; Каптерев Н. Ф. *Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович.*— Сергиев Посад, 1909.— Т. 2.— С. 292.

⁸ 11 апреля 1670 г. в грамоте иерусалимского патриарха Досифея царю Алексею Михайловичу подробно записаны обстоятельства задержки Мелетия в Яссах из-за павшего на него подозрения в подделке царской грамоты о милостыне Св. Гробу и присвоении огромной суммы денег; сведения Досифея подтверждались письмом Дионисия Ивирита к Паисию Лигариду, написанным и отосланным в Москву одновременно с грамотой иерусалимского патриарха: Фонкич Б.Л. *Письмо Дионисия Ивирита Паисию Лигариду // Byzantinorussica.*— 1994, № 1.— С. 120.

⁹ В марте 1665 г. выяснилось, что грек Агафангел, служивший при газском митрополите Паисие Лигариде толмачом, был тайным агентом патриарха Никона: после ссоры с Паисием он сбежал в Воскресенский монастырь, рассказал Никону множество подробностей о Лигариде, а Никон в благодарность за предоставленные сведения снабдил Агафангела деньгами и отправил его со своими письмами в Константинополь, чтобы помешать посольству дьякона Мелетия. Однако дело провалилось, Агафангел был схвачен в Киеве и закованный привезен в Москву: Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества.— СПб., 1861.— Т. 2.— С. 530.

¹⁰ Библиографию работ об Арсении Греке до 1986 г. см.: Зиборов В.К. *Арсений Грек // Словарь книжников и книжности Древней Руси.*— СПб., 1992.— Вып. 3 (XVII в.), ч. 1: А—З.— С. 105—108; до 2001 г. см.: Буланин Д.М. *Арсений Грек // Словарь книжников и книжности Древней Руси.*— СПб., 2004.— Вып. 3 (XVII век), ч. 4: Дополнения.— С. 670—671.

В июле 1649 г. после того, как из грамоты иерусалимского патриарха Паисия царю Алексею Михайловичу стали известны факты измен Арсения Грека православию, гре-

нию Греку и инымъ, ихъ же онъ вестъ» (д. 140, ч. 3.— Л. 77). При патриархе Никоне Арсеній Грек организовал греко-латинскую школу в Москве, был справщиком московского Печатного двора и возглавил дело по исправлению книг. После оставления Никонем патриаршей кафедры Арсеній занимался описанием патриаршей библиотеки и переводами книг. Книжная и переводческая деятельность этого образованного греческого иеромонаха, к которому патриарх Никон испытывал нескрываемую симпатию¹¹, была хорошо известна царю: его переводы с греческого легли в основу изданных на Печатном дворе книг «Скрижаль» (1655—1656) и «Анфологион» (1660); в 1656 г. Арсеній подготовил новый перевод Требника, дополненный новыми церковными чинопочитаниями¹²; совместно с архимандритом Святогорского монастыря Дионисием Греком Арсеній переводил и популярную у русского читателя Хронику Дорофея Монемвасийского¹³. Но в 1662 г. — именно к этому году относится письмо Никона царю, в приказе Тайных дел против Арсения заведено дело, а через год его сослали в Соловецкий монастырь. Может быть, патриарх Никон надеялся, что показания Арсения против Мелетия смогут вернуть расположение царя к опытному переводчику и редактору, профессиональные качества которого были крайне необходимы мос-

ческий иеромонах был схвачен, подвергнут допросу и сослан в Соловецкий монастырь: Белокуров С. А. *Арсеній Суханов*.— М., 1891.— Ч. 1 (Биография Арсения Суханова).— С. 190—191; Каптерев Н. *Следственное дело об Арсеніи Греке и ссылка его в Соловецкий монастырь* // Чтения в Обществе любителей древней письменности.— М., 1881.— № 7.— С. 70—75; Колосов В. *Старец Арсеній Грек* // Журнал Министерства народного просвещения.— 1881.— № 9.— С. 77—82; Фонкич Б.Л. *Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв.: (Греческие рукописи в России)*.— М., 1977.— С. 108—111; Чумичева О.В. *Арсеній Грек в России: судьба и легенды* // *Русское общество и литература позднего феодализма*. Новосибирск, 1996.— С. 13—22.

¹¹ В 1657 г. патриарх Никон, вспоминая о слухах, связанных с Арсением Греком, и отвечая на упреки Ивана Неронова, что, мол, Арсеній «порочной человек», говорил: «Лгут, де, на него [Арсения.— С.С.], старец Григорей! То, де, на него солгал по ненависти троецкой старец Арсеній Суханов, что в Сергиеве монастыре келарь, когда послан был по государеву указу и по благословию Иосифа патриарха во Иерусалим и в прочия государства». Цит. по изд.: *Материалы для истории раскола за первое время его существования*.— М., 1875.— Т. 1.— С. 150—151.

¹² Киселев Н. П. *О Московском книгопечатании XVII века* // *Книга: Исслед. и мат.*— М., 1960.— Сб. 2.— С. 151—155; Фонкич Б.Л. *Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв.*— С. 108—110, 112—125, 164—166, 177—186; Демин А.С. *Писатель и общество в России XVI—XVII веков: (Общественные настроения)*.— М., 1985.— С. 132—139, 314, 315, 327—329; Троицкий Александр, священник. *Переводы святоотеческих творений в изданиях Московского Печатного двора XVII века* // *Рукописные собрания церковного происхождения в библиотеках и музеях России: Сб. докладов конференции 17—21 ноября 1998 года*, Москва.— М., 1999.— С. 57—60; Сиромеха В.Г. *Книжные справщики Печатного двора второй половины XVII в.* // *Старообрядчество в России (XVII—XX вв.): Сб. науч. трудов / Отв. ред. и составитель Е.М. Юхименко*.— М., 1999.— С. 15—44.

¹³ Лебедева И. Н. *Греческая хроника Псевдо-Дорофея и ее русский перевод* // *Труды Отдела древнерусской литературы*.— Л., 1965.— Т. 21.— С. 302—305; Она же. *Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы* // *Палестинский сборник*.— Л., 1968 — Вып. 18 (81).— С. 76—80.

ковскому Печатному двору в 1660-х гг., когда в соответствии с издательской программой этого крупного издательского центра Московского государства¹⁴, наряду с созданием полного круга богослужебных книг Православной Церкви началось серьезное освоение византийского святоотеческого наследия¹⁵. Обличая одного грека, Никон спасал другого.

Государева честь и ближайшее окружение московского царя

Осенью 1668 г. патриарх Никон написал царю три челобитные — две изветные и явочную о боярине Богдане Хитрово. Из явочной челобитной известно, что летом в Петров пост к Никону из Москвы вернулись старцы Палладий и Памва. Они, со слов иеромонаха Иоиля, рассказали Никону о намерении боярина Хитрово чародейством завоевать расположение царя Алексея Михайловича (д. 140а, ч. 1.— Л. 59а—60). Никон передает диалог между Иоилем и боярином Хитрово:

Да он же, де, Иоиль, говорил мне, де: «И Богдан Хитрой другъ, и говорил, де, мне, чтоб мне государя очаровать, чтоб государь больши всехъ ево, Богдана, государь любил и жаловал. И я, де, помня государеву милость к себе, ему, Богдану, отказал». И он, де, мне сказал: «И ты, де, нишкини же». И он, де, Иоиль, молил Богдану: «Да у тебя, де, литовка то умеет здесь, де, на Москве, и нетъ ее сильнее». И он, де, Богданъ, говорил: «Так, де, и есть. Да лихо, де, запросы велики, хочет, де, тово, чтоб я ныне и женился. И я, де, бы и зделал то, взял ее, да государь, де, не велит. А она, де, говорит: «Я, де, зделаю то, что больши тебя у государя не будет»... (д. 140а, ч. 1.— Л. 59а, 60).

Богдан Матвеевич Хитрово был одним из самых известных людей из царского круга, и враждебное отношение Хитрово к Никону могло повлиять на отношение царя к опальному патриарху. Питая надежды на перемены к лучшему, Никон сообщал о фактах, компрометирующих людей из ближайшего царского окружения, способных повлиять на решения царя о Никоне.

Между тем, и царь становился жертвой интриг близких ему людей, ищущих у него расположения. Не случайно в связи с «делом» Хитрово Никон вспоминает и о стольнике Иване Образове,

¹⁴ Вознесенский А.В. *Об издательской программе Московского Печатного двора // Рукописные собрания церковного происхождения в библиотеках и музеях России.*— С. 35—41.

¹⁵ С редакторскими исправлениями был переиздан «Паренесис» Ефрема Сирина (1667); изданы «Беседы» Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея (1664) и на Евангелие от Иоанна (1665); отдельным изданием вышел сборник переводов Елифания Славинецкого, который включил в себя переложения с греческого языка на русский сочинений Григория Богослова, Василия Великого, Афанасия Александрийского и Иоанна Дамаскина (1665); некоторые отеческие книги были отредактированными переизданиями продукции белорусских и украинских типографий: например, «Евангелие учительное» (1662; первое издание: Заблудов, 1569); «Шесть слов о священстве» Иоанна Златоуста (1664; первое издание: Львов, 1614); Троицкий Александр, священник. *Переводы святоотеческих творений...* — С. 58.

частом госте в Ферапонтовом монастыре. К нему Никон быстро потерял доверие, потому что Иван скрывал от царя информацию о сложной обстановке в северных монастырях и тяжелых условиях жизни Никона. На почве обмана и интриг Иван подружился с приставом Степаном Наумовым, который, в свою очередь, скрывал обманы келаря Макария Злобина. Причина дерзкого поведения государственных чиновников и отсутствия у них страха перед царем, как считает Никон, — в тайных интригах в ближайшем окружении царя. В 1662 г., характеризуя недостойное поведение греческого иеромонаха Мелетия на Востоке, Никон писал, что грек не слишком отличался от людей из окружавших царя его соотечественников: «Есть у тебя, великаго государя, и мимо такова воришка своихъ много» (д. 140, ч. 3.— Л. 76—77). Приводя примеры своего недоверия государевым людям, Никон подсказывал царю обратить пристальное внимание на его окружение.

Честь царя и государственные чиновники на местах

Из Ферапонтова монастыря Никон подробно информировал Алексея Михайловича о ставших известными ему фактах обманов государственными чиновниками и монастырскими старцами царя и приводил примеры нелестных высказываний насельников северных монастырей в адрес высшей светской власти. «А знатно то, што они тебя, великаго государя, челобитьем своим оглашают и разорителем называют и твой, великаго государя, указ уничтожают» (д. 140а, ч. 4.— Л. 232). Никон предупреждал царя о тяжелых последствиях для его здоровья от вкушения рыбы, присланной с Белого озера:

А они, государь, которая твоя, государева, рыба в улове бывает, в сады сажают и пищи им не кладутъ. И та, государь, рыба в садех помирает многая. И они, государь, выимая из садов ту мертвую рыбу, прикалывают и тебя, великаго государя, облыгают, будто, государь, та рыба отколота жывая, а иную они откалываютъ, // и смердящую и солять... И от того, государь, не токмо что здравие вашему многолетному здоровью созидаетца, но и болезни многия раждаются... А хто, государь, нездоровое тело ясти учнет, тот и самъ здрав не будетъ (д. 140а, ч. 3.— Л. 188—189).

Патриарх Никон был нетерпим к случаям превышения государственными чиновниками своих полномочий, обвинял их в подлогах, приписках и обмане царя. Так, белозерский воевода Иван Чаплин и сын его, тоже воевода, рыбные места на устье реки Шексны использовали для получения личной материальной выгоды; Чаплин-старший служек и крестьян Ферапонтова монастыря во время сенокоса «держит на правеже для своей бездельной корысти, и велит бить влещачь насмерть в нынешнее великое гладное время здешнее и деловую пору» (д. 140а, ч. 4.— Л. 202); пристав Наумов жил в свое удовольствие, устраивал «парады» перед женой, регулярно выезжал на охоту, пировал во время по-

стов; а пристав Шайсупов в монастыре организовал своей «приказ» «и монастырского человека взял в сторожы», у служек-курьеров с каждой «записки» брал деньги, лично допрашивал каждого, проезжавшего мимо монастыря, даже с пристрастием (д. 140а, ч. 4.— Л. 164).

Восприятие Никоном чиновника и представителя царя как человека, олицетворяющего в своем служении самого государя и несущего частицу царской чести, находилось в соответствии с представлениями о чести, характерными для русского общества второй половины XVI — первой половины XVII в. Понятие чести в это время, по словам Людмилы Черной, «огосударствливало» человека, лишая его индивидуальной значимости и ценности, приравнивая личное достоинство социальному статусу — «чину»¹⁶.

Описывая свое личное участие в защите царской репутации, патриарх Никон обращается к собственно литературной традиции.

Честь московского царя в киевских изданиях второй половины XVII века

В рамках уже упоминавшегося мной послания 1671 г. Никон воссоздает отдельную сцену-новеллу о прощании Никона с уезжающим приставом Наумовым. Основной ее мотив — опорочивание царского рода — возник при обсуждении ими напечатанной в 1666—1667 гг. книги Лазаря Барановича *«Меч духовный»*:

И первое в книге той написано, в лицехъ лист: стоит древо, а под нимъ лежит великий князь Владимир Киевский, и от него сучье, а по сучью сидят бывшии великии князи. И смотрих прилежно и видехъ на иных сучках твой, государевъ, образ подписан, а против твоего, государева, образа государыни царицы Марии Ильичны образ подписан. Смотрих блаженныя памяти отца твоего, государя царя Михаила Федоровича, и, помнитися, не нашол... неподобно написано, будто государь нашъ царь произышел, а ведомо всюду, что не тово роду... А они непристойно пишут! Государь нашъ несть от прелюбодеяния рожден, сынъ и наследник блаженныя памяти государя царя Михаила Федоровича. Да другое худо, что государыня царица и великая <княгиня> Мария вместо сестры написана. Худо то зделано! (д. 140а, ч. 1.— Л. 200—201).

Никон точно подмечает мельчайшие подробности и детали поведения и общения двух собеседников. Степан Наумов, недруг и утеснитель Никона, сначала просится к нему: «...и онъ, Степан, прощался ко мне в келью для прощения. И я ево, Степана, ту пустилъ. И, посидя, стали говорить» (д. 140а, ч. 1.— Л. 199). Эта фраза точно передает атмосферу «беседы»: говорить им собственно не о чем, разговор начинается лишь из приличия — и книга оканчивается удобным предметом обмена мнениями:

¹⁶ Черная Л.А. *«Честь»: представления о чести и бесчестии в русской литературе XI—XVII вв. // Древнерусская литература: Изображение общества.*— М., 1991.— С. 56—84.

И дошла речь до книг Лазоря Барановича, что розосланы по твоему, государеву, указу по монастырям, а велено, де, за них деньги платить. И та книга // прислана от архиепископа и в Ферапонтově, и мне про нее ведомо учинилось, и я велель тое книгу себе принести, и Степан велель ту книгу принести, и я тое книгу смотрил (д. 140а, ч. 1.— Л. 199—200).

Мирный настрой вскоре разрушен, и автор подробно описывает ссору. Никон спокойно и внимательно читает книгу («И смотрих прилежно»), Степан Наумов, находясь в келии, наблюдает за Никоном, который начинает разговор («А он, Степан, в те поря у меня в келье был, и я ему, Степану, показав, как так книгу сию, не осморя, в мирь, а в ней неподобно написано...»). Степан, «...почал: “Та, де, книга свидетельствована на Москве, да сам, де, государь ту книгу ведаеть, безчестишь, де, государей наших, говоришь”». Никон спокойно говорил, «что я государей своих не безчещу, но оберегаю их государьской чести; тот безчестит, хто ту книгу составил и напечатал». Степан сильнее распалился и «почал шуметь гораздо: “Мне, де, про ето дело извещать на Москве”». На что Никон спокойно «говорил, что про ту книгу государю некогда ведать, есть у государя много и без тое книги царственных делъ». Продолжая спор, Никон иронизирует, подшучивая над Степаном: «А ты, де, для тово такую книгу воровскую купил, а я не купиваль тое книгу, так почель, и видевь неправу, и отдаль». Никон сильно разозлил Степана, потому что он, выйдя из кельи и проходя по монастырю, продолжал ругаться, угрожая Никону, «хвалился: “Преселю, де, я ево далее Ферапонтова и теснее”» (д. 140а, ч. 1.— Л. 200). Как отмечала Елена Ромодановская, в методах создания этой сцены Никон близок тому принципу изложения, который характерен для Аввакума в автобиографическом житии протопопа — сочетание простого хронологического перечня событий с отдельными сценами-новеллами. Сходство художественных приемов, принципов построения и подачи сюжета у разных по духу авторов, по мнению исследовательницы, «следует искать в определенном стиле эпохи, в общих источниках и правилах творчества». Художественные системы патриарха Никона и писателей «московской школы», идеологов раннего старообрядчества одной природы, которая кроется в их воспитании, образовании, понимании системы ценностей, но особенно ярко проявляется в описании сходных ситуаций, сходного отношения к одним и тем же людям¹⁷.

¹⁷ Ромодановская Е.К. *Литературное творчество патриарха Никона и старообрядческие писатели // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки.*— Новосибирск, 1990.— С. 60. Елена Ромодановская отметила, что протопопа Аввакума и патриарха Никона сближает и то, что оба они, хотя и по разным мотивам, не приняли книгу Лазаря Барановича «*Меч духовный*». Никон в разговоре со Степаном Наумовым, называя книгу «воровской», подчеркивал: «А и вся та книга непотребна, везде привожано рымских учителей

Честь царя и честь Церкви

Смутное время, по словам Людмилы Черной, «резко возвысило честь царя небесного и его служителей на земле, т.е. честь церкви»¹⁸. Под пристальным вниманием и патриарха Никона, и писателей, его идейных противников, находились представители московского духовенства, занимающие высокие ступени в церковной иерархии, и прежде всего будущий патриарх Иоаким (Савелов). Иоаким и Никон были лично знакомы. Выходец из киевского Межигорского монастыря Иоаким по приглашению патриарха Никона поступил иноком в Валдайский Иверский монастырь, где был приставлен к печатному делу, работал над изданием книг. После оставления Никоном патриаршей кафедры Иоаким был приглашен в Москву и занял место келаря Ново-Спасского монастыря, затем поставлен митрополитом новгородским; в 1674 г. возведен в сан патриарха московского¹⁹.

Вспоминая отношения с Иоакимом в связи с расследованием доноса на Никона крещеных евреев Михаила Афанасьева и Демьяна Ивановича Левицкого²⁰, патриарх писал царю из Ферапонтова монастыря:

А в то же время и из нашей кельи молодые чернцы в жидовской ереси и учении были и в казне у меня покрали деньги и платье, и темъ имъ, жидом, помогали. Да им же помогаль архимандрит Чюдовской, потому был он, архиман[дрит], у меня в Воскресеньском монастыре и в Иверском в строителях многое время, и не считан ни в чом. И я хотель считать, и он ушел к Москве, и добрыми людьми тебе, великому государю, одобренъ, и ты, великий государь, почал жаловать ево, знать (д. 140а, ч. 1.— Л. 195).

Недоверие к будущему патриарху, возникшее у Никона в результате личных контактов с ним, подорвало уверенность опального патриарха в том, что Иоаким — достойная кандидатура на пост архипастыря. Чтобы сделать обвинения в адрес Иоакима

речи, а во многих местехъ и ереси есть римские» (д. 140а, ч. 1, л. 200). В Аввакумовых же кругах книгу именовали «Саблей никониянской»: Бубнов Н.Ю., Демкова Н.С. *Вновь найденное послание из Москвы в Пустозерск «Возвещение от сына духовнаго ко отцу духовному» и ответ протопопа Аввакума (1676 г.)* // Труды Отдела древнерусской литературы.— Л., 1981.— Т. 36.— С. 144.

¹⁸ Черная Л.А. «Честь»: представления о чести и бесчестии в русской литературе XI—XVII вв.— С. 78.

¹⁹ Строев П.М. *Списки иерархов и настоятелей монастырей Русской Православной Церкви*.— СПб., 1877.— С. 7; Леонид (Кавелин), архимандрит. *Исторический очерк Иверской Святоозерской обители в ее патриарший период (с 1653 по конец 1666 г.)* // Русская историческая библиотека.— Т. 5 (Акты Иверского Святоозерского монастыря: 1582—1706).— СПб., 1878.— С. 276—277; Зиборов В.К. *Иоаким (в миру Иван Савелов)* // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*.— СПб., 1993.— Вып. 3 (XVII в.), часть 2: И.— С. 53—57; Лобачев С.В. *Патриарх Никон*.— СПб., 2003.— С. 256.

²⁰ Фельдман Д., Прокопенко А. «Еврейские мотивы» следственного дела патриарха Никона. *Донес крещеного еврея М. Афанасьева царю Алексею Михайловичу в 1666 г.* // Вестник еврейского института: История. Культура. Цивилизация. 2001.— М.— Иерусалим, 2001.— № 6 (24).— С. 349—366.

убедительными, Никон выбрал художественный прием, состоящий в упоминании мест служения будущего патриарха, который напоминал прием перечисления в хронологическом порядке мест служения Иоакима, — его предпочли идейные противники Никона, когда описывали свое негативное отношение к московскому владыке. История жизни патриарха Иоакима изложена дьяконом Федором в форме «послужного списка» Иоакима, его стремительного возвышения, и показывает жизнь Иоакима в виде серии предательств патриарха по отношению к отечеству и царю²¹. В 1673 г., когда Никон выразил свое неприятие к Иоакиму, в оценке его деятельности он особенно сблизился со своим идейным противником:

Да он же, Козьма, сказывал, что, де, ты, великий государь, указал Иверской монастырь ведать новгородскому митрополиту Иякиму. А он, Якимъ, враг мне и всякие истинны иверским властемъ и старцам во всемъ потатчикъ, потому что он постриженникъ киевской, Межигорского монастыря, и он их любить, как истинно сродников своих: // что старцы ни зделаютъ, и он потакаетъ имъ и покрываетъ для ради гостинцовъ многих. Изволь, государь, над ними надсматривать кому иному доброму человеку, кроме ево, Якима» (д. 140, ч. 3.— Л. 119—120).

Дьякон Федор Иванов, рисуя сатирический образ патриарха Иоакима, использовал отдельные элементы жанра антижития и показал правящего иерарха не только безнравственным, грубым, невежественным простолюдином, недостойным занимать столь высокий церковный пост, но и расчетливым карьеристом, с готовностью угождающим властьпридержащим вопреки совести, чести и вере²².

Совершенно очевидно, что накануне избрания Иоакима в патриархи Никон пытался подорвать авторитет будущего московского владыки. Осмысление жизни и деятельности Иоакима патриар-

²¹ В Послании сыну Максиму Иоаким изображен «проходимцем» и «невеждой», который «не знал... писания, разве азбуки, ни церкви, ни чина церковнаго, не разумел догмат святых отец наших древних, и ныне не знает, занеже не того ищет и книг святых не прошлец и не читатель, понеже бо человек был служивой, и жил в глухой деревни, и зайцы ловил, а у церкви в реткой Велик день бывал». Дьякон Федор показывает жизнь патриарха Иоакима в виде серии предательств патриарха по отношению к отечеству и царю: Иоаким постригся в монахи, «не хотя служите царю своему», вскоре, «преступи обещания, и бежа к Москве», «ища славы мира сего», но испугавшись, «абы не растригли и не послали на службу..., нырнул к Никону в Новой его бесовской Еросалим», но вскоре «сбежал» и от Никона в Андреевский монастырь, «да примет его и опознает на Москве честным людем»; благодаря своим новым связям Иоаким назначен сначала келарем в Симонов, а затем в Новоспаский монастыри; стремясь выдвинуться, Иоаким «начат Псалтырь твердить, начаяся игуменом быть помале... всегда являшеся пред царем во всяких ходах и походах и валяяся пред ногама его»; в итоге Иоаким стал архимандритом Чудова монастыря, а затем крутицким митрополитом. Цит. по: Титова Л.В. *Послание дьякона Федора сыну Максиму — литературный и полемический памятник раннего старообрядчества.*— Новосибирск, 2003.— С. 207—209.

²² Титова Л. В. *Антижития в старообрядческой публицистике XVII—XVIII вв. // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI—XX вв.:* Сб. науч. тр.— Новосибирск, 2006.— С. 70.

хом Никоном, как и старообрядческими писателями, близко принципам народной смеховой культуры²³; идейные противники (Никон, Аввакум и дьякон Федор), повествуя об общем враге, преследовали одну и ту же цель — развенчать и обличить его²⁴.

Подведу итоги. Представления патриарха Никона о царской чести находятся в соответствии с учениями о чести, характерными для русского общества XVII в. В переписке с царем Никон использует два способа изложения своих преставлений о царской чести: один из них тяготеет к документализму, другой восходит к литературной традиции. Для доказательства изложенных на письме фактов Никон мог ограничиться сухим перечнем событий или давать краткую характеристику своему недругу; описывая событие, Никон подмечал мельчайшие детали поведения людей, приводил точные даты, в изложении использовал прямую речь, выстраивал диалог. Сообщения и краткие повествования о своих современниках Никон, как правило, облекал в форму челобитной, которая, благодаря широте содержания и своим внелитературным целям, в наибольшей степени соответствовала сведениям извещения и явочного характера.

Несомненно, в извещениях Никона была личная заинтересованность, однако это была не единственная причина, по которой он стремился привлечь внимание царя. Патриарх показывал ближайшее окружение царя и государственных чиновников с самой неприглядной стороны: это люди, воплощавшие собой самые страшные пороки — лгуны и воры, карьеристы и подхалимы, гордецы и самолюбцы, которые, неся на себе часть государевой чести, своим поведением и деяниями порочили и оскорбляли царя.

²³ В челобитной царю Федору Алексеевичу, беспрецедентной по тону обращения к царю, послужившей причиной резкого ужесточения режима в пустозерской тюрьме в 1676 г., протопоп Аввакум смело и саркастически писал об Иоакиме: «Говорите Иоакиму патриарху, престал бы от римских законов: дурно затеели, право. Простой человек Яким-от. Тайные те шиши, кои приехали из Рима, те ево надувают аспидовым ядом. Прости, батюшко Якимушко! Спаси Бога за квас, егда напоил мя жаждуца, егда аз с кобелями теми грызся, яко гончая собака с борзыми, с Павлом и Ларионом»: *Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения*. — Архангельск, 1990. — С. 146.

²⁴ В начале 1675 г. по грамоте патриарха Иоакима в Ферапонтов монастырь о запрещении монастырским инокам именовать на письме и изустно «святейшим патриархом» монаха Никона началось следствие. Показательна реакция патриарха Никона, в которой он вновь продемонстрировал свое отношение к Иоакиму. Узнав о том, что власти Кирилло-Белозерского монастыря во исполнение патриаршего указа намерены допросить игумена Ферапонтова монастыря с братией, Никон потребовал от пристава С. Шайсупова не пускать вызванных на допрос, грамоту патриарха Иоакима обозвал «воровской», а самого патриарха назвал «патриаршишком, своим чернецом и чернецуджным»: Николаевский Павел. *Жизнь патриарха Никона в ссылке и заключении после осуждения его на Московском соборе 1666 года*. — СПб., 1886. — С. 77–79.

По убеждению Никона, важнейшей обязанностью архипастыря было духовное назидание светского правителя — эта обязанность вменялась первосвятителю в византийских кодексах церковного права, которым патриарх Никон следовал²⁵. Поэтому одним из направлений своей духовной и пастырской деятельности патриарх Никон считал оказание царю помощи мудрым советом, организацией вокруг царя единомышленников, чьи усилия по управлению государством и укреплению морально-нравственных устоев общества были бы направлены на единение духовной и светской властей, на реализацию «симфонического» управления, где каждая власть выполняет присущие ей функции, но духовная власть есть основополагающая и ведущая. Представления Никона о царской чести в полной мере выражали идею о духовной защите Церковью светской власти.

Представления Никона о царской чести позволили ему обозначить в переписке с царем одну из причин бедствий и несчастий в царствование Алексея Михайловича:

Сего ради сугубо приходит плакати — ово своих бедь и <зол, ово твоего> ради царствия, яко такое зло приспе въ <твое> царство соделатись, занеже не добра тебе, великому царю государю, похвала (д. 140а, ч. 1.— Л. 175).

Правление «не по правде» приводит к бедам в государстве и оборачивается нелюбовью подданных. Эта мысль патриарха Никона не новаторская: высказанная в ряде произведений Смутного времени²⁶, она получила свое дальнейшее развитие и своеобразное преломление в творчестве писателей второй половины XVII в., творивших в условиях формирующегося абсолютизма и прославлявших неограниченную власть монарха — Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева, Кариона Истомина²⁷. Патриарх Никон и авторы дидактических панегириков членам царской семьи в оценке

²⁵ См. об этом: Розенкампф. *Обозрение Кормчей книги в историческом виде.*— М., 1829.— С. 39 (первого сч.), 91—123 (третьего сч.); Энгельман А. *Об ученой обработке греко-римского права с обозрением новейшей его литературы.*— СПб., 1857.— С. 27; Николай Ильинский, священник. *Синтагма Матфея Властаря.*— М., 1892.— С. 215—216; Сокольский В. *О характере и значении Эпанагоги. Очерк по истории византийского права // Византийский временник.*— СПб., 1894.— Т. 1.— С. 40—45; Вальденберг В. *Древнерусские учения о пределах царской власти.*— Пг., 1916.— С. 378, 390; Вернадский Г.В. *Византийские учения о власти царя и патриарха // Сб. ст., посвященных памяти Н. П. Кондакова. Археология. История искусства. Византиноведение.*— Прага, 1926.— С. 150—152; Зызыкин М. В. *Патриарх Никон.*— Ч. 1.— С. 144—145; Ч. 2.— С. 133. Успенский Б.А. *Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление).*— М., 1998.— С. 103 (сн. 120) и др.

²⁶ Платонов С. Ф. *Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник.*— СПб., 1913.— С. 43—58, 385—394; Черепнин Л. В. *«Смута» и историография XVII века: (Из истории древнерусского летописания) // Исторические записки.*— Т. 14.— М., 1945.— С. 81—128; Черная Л. А. *«Честь»: представления о чести и бесчестии в русской литературе XI—XVII вв.*— С. 78.

²⁷ Черная Л. А. *«Честь»: представления о чести и бесчестии в русской литературе XI—XVII вв.*— С. 81—82.

деятельности Алексея Михайловича занимали разные позиции²⁸, но их объединяла мысль о том, что царь несет на себе часть божественной чести, поэтому в своих поступках и деяниях он должен руководствоваться божественным словом и в правлении положиться на божественную волю. Если Никон призывал Алексея Михайловича быть подобным в своих деяниях древним израильским царям, то Симеон Полоцкий называл Русь «новым Израилем»; если Никон, сравнивая государя с Владимиром Святославичем и Константином Великим, подчеркивал, что они являются родоначальниками царской династии, а Алексей Михайлович – продолжатель их начинаний в устройстве обоюдодоползельных взаимоотношений Церкви и государства, то Симеон Полоцкий юному правителю Феодору Алексеевичу желал: «...да будещи церкви второй Константин, или новый Владимир царствию...»; в то время, как патриарх Никон призывал Алексея Михайловича не прислушиваться к «советникам», «смущающии ваше преблаженство» (д. 140, ч. 3.– Л. 77, 76), Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, Карион Истоин обязывали молодых венценосцев окружать себя только мудрыми советниками, передающими царю божественное слово. Но если поэты царской чести прославляли могущество русского монарха и воспевали русский абсолютизм, то патриарх Никон, защищая царскую честь, обличал вторжение абсолютистского начала во все сферы жизни и в переписке с Алексеем Михайловичем рисовал такой образ царя, который в своем правлении не нарушал бы интересов Церкви; обращаясь к царю, Никон желал ему: «Богъ же Святый да дастъ тебе благодать и помысль благъ, быти смирену и кротку быти, и на вся заповеди Божия зрети, и творити, нас, смиренных богомолцов ваших, не обидети... Да не приложит Господь, по писаному, зла славным земли» (д. 140, ч. 5.– Л. 257).

Svetlana Sevastyanova

THE THEME OF SOVEREIGN'S HONOUR IN THE EPISTOLARY WRITINGS OF PATRIARCH NICON

The article deals with the ideas of zar's power on the basis of the patriarch Nikon's letters to the zar Aleksey Michaylovich. The Author comes to the conclusion that conception of that issue by clergy hierarch weren't beyond the notions which were existing in Russian society of the 17th century.

²⁸ Гребенюк В.П. *Эволюция поэтических символов российского абсолютизма (от Симеона Полоцкого до М.В. Ломоносова) // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII – начала XVIII в.* – М., 1989. – С. 188–194.